

Граждане или подданные: государственная идеология воспитания

Ключевые слова: воспитание, гражданское общество, свобода, культура, достоинство.

В бурном потоке человеческой истории циклы относительно исторической стабильности и порядка неизбежно сменяются периодами хаоса, распада кажущихся незблемыми империй, государств и цивилизаций. Такие периоды нередко называют то смутными временами, то эпохами перемен. Но, как бы ни величали эти времена, именно в такие исторические моменты у разных государств происходит особое обострение – обострение прозрения к ценности социального воспитания масс, дефекты которого прямо или косвенно ассоциируются с крушениями нравственных устоев общества, разгулом пороков, распутством как потерей праведного пути и угрозой святой святых – государственному строю. И тогда в тень, в глубины коллективного бессознательного уходят кризисы экономики, управления, индустриальной и постиндустриальной культуры... Государство, подобно гоголевскому Вию, воскликнув: «Подымите мне веки, не вижу!» – начинает искать козлов отпущения, повинных во всяческих грехах.

Козлы отпущения непременно найдутся. Ими оказываются: дети, которые, как писалось еще на египетских папирусах, не слушаются родителей, молодежь, которая «не туда пошла», книги, Интернет и, конечно же... школа.

Далее, чтобы объемнее выступили причины всплесков интереса государства к воспитанию народа, приведу

некоторые вырванные из контекста истории примеры судеб воспитателей и программ воспитания, проливающие свет на мотивы выбора разных стратегий воспитания.

1762 г. В свет выходит роман «Эмиль, или О воспитании» Жан-Жака Руссо. Фактически с момента рождения этот роман становится социальным символом педагогики воспитания и во многом связывается со стартом эпохи Просвещения. Вместе с тем символичны не только сам роман Ж.-Ж. Руссо, но и восприятие этого романа общественным мнением Франции. Этот роман был не только запрещен французским парламентом, но и осужден на сожжение.

Почему, как только появляется тот или иной трактат о воспитании, концепция воспитания, стратегия воспитания, они вызывают неистовые социальные страсти? Да потому, что за любым подходом к воспитанию просматривается попытка через воспитание масс достичь консолидации в обществе, создать социальный клей, который пропитает разноликую ткань общественной жизни. И тут сталкиваются две стратегии консолидации самых различных больших и малых социальных групп, племен, толп, народов и личностей.

Одна стратегия – это стратегия тотального контроля над массовым сознанием посредством такого проверенного механизма контроля, как консолидация на страхе и на конструировании образа

врага. Для этой стратегии сама идея общественного договора, предложенная в трактате Ж.-Ж. Руссо «Об общественном договоре», является недопустимой ересью. Зачем договариваться, когда можно велеть, приказать, заставить. Для чего тратить время на убеждения, когда существует уникальный набор манипулирующий массовым сознанием через такие исторические институты социализации, как, например, институт инквизиции, многочисленные тоталитарные секты или же штурмовые отряды в самых разных своих проявлениях – от опричников Ивана Грозного до штурмовиков Эрнста Рёма Третьего рейха или же печально известных хунвейбинов культурной революции в маоистском Китае.

Все эти идеологические инструменты, репрессии, карающий контроль, зомбификация и манкуртизация, конспирологические сценарии укладываются в проверенные формулы: «кто не с нами, тот против нас», «если враг не сдастся, его уничтожают», «сверху виднее», «сиди и жди, придумают вожди». Эти формулы содержатся в таких классических средневековых трактатах по «социальному воспитанию», как «Молот Вѣдьм, уничтожающий Вѣдьм, и их ереси, подобно сильнейшему мечу» (1487) и «Домострой».

Авторство «Молота Вѣдьм» приписывают двум мастерам инквизиторской педагогики, один из которых католический приор Генрих Крамер, а второй – декан Кёльнского университета, инквизитор Якоб Шпренгер. Что же касается «Домостроя», то одна из его версий связывается с именем духовника и сподвижника Ивана Грозного протопопа Сильвестра, который переписал этот свод правил, советов и наставлений, касающихся повседневной жизни человека, в назидание молодому царю.

И «Домострой», и «Молот Вѣдьм» при всем их различии – трактаты по социальному воспитанию, нацеленные на элиминацию любого разнообразия в обществе. Идеологическая суть этих произведений, на мой взгляд, наиболее емко передана Аркадием и Борисом Стругацкими в одном из фрагментов книги «Трудном быть богом»:

«Школа, думал Румата. Гнездо мудрости. Опора культуры...

Он... вошел в кабинет, темный и ледяной, как погреб. Навстречу из-за огромного стола,

заваленного бумагой и тростями для наказаний, выскочил <...> прокуратор Патриотической школы высокоученый отец Кин – садист-убийца, постригшийся в монахи, автор «Трактата о доносе». <...>

– Ну, как дела? – спросил Румата благосклонно. – Одних грамотеев режем, других учим?

Отец Кин ослабился.

– Грамотей не есть враг короля, – сказал он. – Враг короля есть грамотей-мечтатель, грамотей усомнившийся, грамотей неверящий! Мы же здесь...

– Ладно, ладно, – сказал Румата. – Верю. Что пописываешь? Читал я твой трактат – полезная книга, но глупая. Как же это ты? Нехорошо. Прокуратор!..

– Не умом поразить тщился, – с достоинством ответил отец Кин. – Единственно, чего добивался, – успеть в государственной пользе. *Умные нам ненадобны. Надобны верные...*» (курсив мой. – А.А.).

За этой стратегией социального контроля и стилистикой манипуляции массовым сознанием стоит вполне определенный образ государства, не единожды описанный самыми разными философами, идеологами, аналитиками и писателями. Наиболее емко образ такого государства, пожалуй, передан в хрестоматийно известном произведении Томаса Гоббса «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского» (1651).

Напомню, что Левиафан предстает в мифологии как мистическое чудовище, внушающее страх, принижающее человеческое достоинство и превращающее различных индивидов в единый социальный организм. Этот страх является платой за то, что разрозненные атомы, индивиды, люди объединяются в одну безликую массу посредством «механической солидарности» (Э. Дюркгейм). Согласно учению одного из основателей социологии Эмиля Дюркгейма, состояние общества определяется социальной солидарностью. Он выделял два ее вида – механическая солидарность и органическая. Механическая солидарность свойственна неразвитым, архаическим, «сегментарным» обществам. Индивиды группируются внешним образом, на основе их социальных функций и репрессивных законов. При механической солидарности коллектив поглощает индивидуальность, а нарушителей традиции в таком обществе жестоко наказывают. Иное

дело органическая солидарность. Она возникает в более сложных обществах, где каждый индивид – личность. Солидарность основана здесь на автономии индивидов, их способности договариваться и устанавливать общие нормы.

Более конструктивные формы солидарности развиваются в обществах, ориентированных на ценности гуманизма, свободного выбора и на поддержку индивидуальности. В этих обществах мы имеем дело с «государством граждан», а не «государством подданных». В первых господствует, как отмечал Ю.М. Лотман, архетип договора, во вторых – архетип «вручения себя».

Ярким примером попытки построения общества граждан является культура Ренессанса. В этом обществе стратегии социального воспитания подданных противопоставлено особое ремесло воспитания – ремесло гуманистики (*studia humanitatis*), воспетое в эпоху Возрождения. Ценностные установки, направленные на развитие неповторимой личности как индивидуальности, воспитание человеческого в человеке, чести и стойкости, благородства и достоинства, были наиболее рельефно представлены в идейной программе Петрарки. Мотивы гуманизма, любви, веры в человека ярко звучали и в трактатах Джанноццо Манетти «О достоинстве и превосходстве человека» (1452), Пико делла Мирандолы «Речь о достоинстве человека» (1486).

Перепрыгивая через время, хочу связать эти идеи гуманистики со словами А.С. Пушкина, которого Н.А. Бердяев называл ренессансным человеком («единственным человеком Возрождения в русской литературе»):

Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
На них основано от века,
По воле Бога самого,
Самостоянье человека,
Залог величия его.

В те же годы современник А.С. Пушкина другой Александр Сергеевич – Грибоедов, певец свободы и достоинства, в великом произведении «Горе от ума» ироническим скальпелем обнажает

деструктивный смысл социального контроля как господства государства в виде Левиафана над своими подданными. Он показывает всю губительность страха перед инакомыслием, обезличивание, бегство от свободы радетелей принудительного воспитания, представленных в образах Фамусова и Скалозуба.

Приведу крылатые строки из этой книги:

Скалозуб: «Ученостью меня не обморочишь,
Скликай других, а если хочешь,
Я князь-Григорию и вам
Фельдфебеля в Волтеры дам,
Он в три шеренги вас построит,
А пикните, так мигом успокоит».

Фамусов: «Уж коли зло пресечь: собрать все книги бы да сжечь».

Не удержусь и приведу еще одну, более чем современную строку из «Горя от ума»: «Дались нам языки»...

И А.С. Пушкин, и А.С. Грибоедов – воспитатели многих поколений граждан, а не подданных. Их произведения, наряду с «Философскими письмами» П.Я. Чаадаева, и есть подлинная программа воспитания, которое порождается Культурой, основанной на любви к Свободе и Достоинству человека. Только там, где существует гуманистический раствор культуры, могут народиться программы позитивной социализации граждан, в которых самоценно развитие личности, а не контроль над личностью. Может быть, поэтому во времена А.С. Пушкина и А.С. Грибоедова появился воспитательный идеал, передаваемый словами: «жизнь – родине, сердце – даме, честь – никому», практикуемый в воспитании дворянства и воинской элиты. Эти слова в усеченном варианте «Жизнь – Родине, честь – никому!» взяты в качестве символа в суворовских училищах. И невероятно важно, что ценность чести, на что порой не обращают внимания, ставится выше ценности жизни.

Хочу обратиться к тем, кто создает стратегии воспитания. Помните, что вы делаете сегодня свой личностный выбор – выбор между фельдфебелями и вольтерами, между обществом подданных и обществом граждан, между культурой полезности и культурой достоинства.